

Leo Ginovker

Лео Гиновкер

Таллинн

Эстония

Interviewer: Emma Gofman

Мои родители родились и выросли в одном местечке. Называлось оно Ляды, находилось в России в восточной части Могилевской губернии. Сейчас это Беларусь. Обе мои бабушки и оба моих дедушки жили и умерли в этом местечке. Я их никогда не видел, знаю о них очень мало. Отца моего отца звали Мордух Гиновкер, имени матери моего отца я не знаю. Она рано умерла, а дед женился второй раз. От первого брака у деда Мордехая, кроме моего отца, был младший сын Давид. Он закончил в России гимназию и зубо врачебную школу. Когда в России в 1905 году начались еврейские погромы, Давид решил уехать из России. Мой отец дал ему денег, и он смог уехать в Канаду. Там он работал зубным врачом. В начале 30х годов дядя Давид с дочкой Марой и Верой приезжал погостить к нам в Таллинн. Помню, что он все время благодарил отца за оказанную ему помощь. Став взрослыми, Мара и Вера переехали в США. О других родственниках отца я ничего не знаю.

Мой отец, Иосиф (Есель) Гиновкер родился в 1875 году. Окончил он только хедер, но был довольно грамотным человеком. Его родным языком был идиш, но он свободно говорил и писал по-русски. После окончания хедера отец несколько лет жил один в местечке Дубровны. Это тоже в Могилевской губернии. Там отец работал в пекарне, сначала был учеником, потом стал основным работником. Со своей будущей женой, моей мамой, они были знакомы с детства, их семьи жили недалеко друг от друга.

Моя мама, Хая Высотская, родилась в 1878 году. Ее родителями были Фридман и Ханна Высотские. Мама в детстве училась немного. На идиш она хорошо говорила, читала и писала, а по-русски могла только говорить. Мои родители поженились весной 1900 года, их свадьба была в синагоге местечка Ляды. Поженившись, они уехали жить за 600 км от родного местечка в город Ригу. Там они арендовали маленькую пекарню, в которой они работали вдвоем. Отец пек баранки, пряники, а мама их продавала. Они прожили в Риге 6 лет. За это время у них родились четыре ребенка, двое из которых умерли в младенчестве. В 1906 году родители с двумя сыновьями – Овсеем (1902 г.) и Самсоном (1903 г.) переехали в Эстляндскую губернию в город Таллинн (тогда Ревель). Здесь отец открыл небольшой магазин, в котором продавали чай, конфеты, селедку и другие продукты. За товаром отец ездил в Россию. Жили они в небольшой квартире, которую снимали у коменданта города. Торговля у отца шла неплохо, и, через 6 лет родители купили дом. Это был деревянный двухэтажный 4х-квартирный дом с большим красивым садом: в саду цвела сирень, действовал фонтан и разгуливал живой павлин. От всей этой красоты пришлось отказаться, потому что отец начал создавать свое производство. Во дворе построили небольшую конфетную фабрику, в подвале дома оборудовали пекарню, где пекли пирожные. Отец назвал свою фирму «Орел». К 1920 году в ней работало уже несколько десятков человек. Наша семья к этому времени увеличилась: в 1907 году родился мой третий брат Макс (Мендель), а в 1914 году родился я. Мне дали имя Лео, а звали всю жизнь Мориц. В детстве

мы читали сказку, героев которой звали Макс и Мориц. Брат был Макс, а меня старшие братья стали звать Мориц. Так меня звали дома, в школе, друзья после школы.

Наш дом был вполне благоустроен. В нем было электричество, водопровод, канализация. Отопление было печное. Я помню, как дворник приносил нам в квартиру дрова. Мы жили на 2ом этаже, в нашей квартире было 7 комнат. Остальные 3 квартиры в доме мы сдавали в аренду. Рядом с нами на 2ом этаже в небольшой квартире много лет жила еврейская семья. Глава семьи был крепкий, здоровый мужчина. Он имел скотобойню и магазин, где продавал кошерное мясо. Я с ним играл в шашки. Он мог перед игрой выпить штоф водки, а потом выиграть у меня подряд несколько партий.

Мама одна уже не справлялась с домашним хозяйством, поэтому у нас появилась прислуга. Одна женщина – эстонка помогала маме на кухне, другая убирала квартиру. У меня до 6 лет была няня. Это была пожилая эстонка. Благодаря ей я легко освоил эстонский язык. У нас дома звучало несколько языков. Мать с отцом между собой всегда говорили на идиш. Я и мои братья идиш знали, но пользовались им редко. Братья учились в русской гимназии, поэтому основным языком общения в нашей семье стал русский. Родители с нами тоже говорили по-русски. С прислугой говорили по-эстонски, хотя родители эстонский язык знали плохо. Тогда в Эстонии говорили на 3х языках: эстонском, русском, немецком. Родители обходились русским, проблем не возникало.

Мои родители не были очень религиозными, но основные еврейские традиции в семье соблюдались. Мясо покупали только кошерное в специальных магазинах. Отдельной посуды для приготовления молочных и мясных блюд у нас не было. Отец с матерью ели всегда только кошерную еду, а для нас, детей, это было не обязательно. По праздникам родители ходили в синагогу, мы с братьями тоже ходили, пока были маленькими. Отец переводил нам молитвы с иврита, объяснял их смысл. У нас у всех была Бар-Мицва. Меня готовил к Бар-Мицве друг отца, который был родом тоже из местечка Ляды. Звали его Аврум Левин. Он был человеком очень образованным, большим знатоком Торы и иврита. Он со мной занимался несколько месяцев, и, я на Бар-Мицве хорошо прочитал отрывок из Торы. Это было в Таллиннской синагоге. Кроме нашей семьи, там было много наших знакомых. Повзрослев, мы с братьями уже не посещали синагогу. Родители, мне кажется, относились к этому спокойно.

Еврейские праздники, такие, как Рош Ха-Шана, Ханука, Песах у нас дома всегда отмечались. Перед праздниками, я помню, в квартире все тщательно убирали, мыли, чистили посуду. Особенно, перед праздником Песах. Седер был всегда на Песах, маца, конечно, была. Мои родители были общительными, гостеприимными людьми. Поэтому за праздничным столом было всегда много гостей. Приходили друзья, знакомые. Дружили родители только с еврейскими семьями, причем, многие из них были родом тоже из белорусских местечек. У отца был довольно вспыльчивый характер, а мама была человеком мягким, добрым. Они уравнивали друг друга. У нас дома никогда не было скандалов и шумных ссор, мы понимали и уважали друг друга. Отец был человеком энергичным, предприимчивым., всегда много работал. Еще он был честным и очень справедливым человеком. Все, с кем отец работал, его очень уважали. Политика, общественная жизнь отца не интересовала. Он не входил ни в какие партии, общества или корпорации, которые были созданы в большом количестве во время Еврейской Культурной автономии в Эстонии (3).

Читал отец много, братья и я потом тоже много читали. У нас была большая библиотека, весь кабинет отца был заставлен полками с книгами. Книги были на русском языке и на

идиш. Конечно, на русском языке книг было больше, на идиш в России и в Эстонии книг издавали мало. В нашей библиотеке было прекрасное издание «Божественной комедии» Данте в 2х томах, были шикарные в золоченных переплетах тома «Путешествия царя Николая», на идиш были сочинения Шолом-Алейхеме ...

Газеты к нам приходили на русском языке. Одна газета, я помню, называлась «Сегодня», издавалась она в Риге. Приложением к ней был информационный листок «Вести дня», который издавался в Таллинне.

Родители любили ходить на концерты и спектакли. Чаще это были выступления русских артистов, иногда – еврейских. В рестораны мать с отцом не ходили никогда, это не было принято тогда в нашей семье.

И у отца и у матери был радикулит, поэтому каждое лето, начиная с 1915 или 1916 года они ездили отдыхать и лечиться на грязевые курорты. Таких в Эстонии было 2: маленький городок Хаапсалу (до 1918 г. Гапсаль), расположенный юго-западнее Таллинна на берегу Балтийского моря, и городок Куресааре на острове Сааремаа. В Хаапсалу ездили на поезде, а в Куресааре на пароходе. Братья уже были большими, их курорты не интересовали, а меня родители много лет брали с собой. Своей дачи у нас не было, поэтому мы дачу снимали и были на пансионе. На процедуры родители ходили в лечебницу. В одно лето меня даже зачем-то посадили в грязевую ванну. Обычно рядом снимали дачу семьи наших друзей или знакомых. Несколько лет подряд это была семья Изрим. Глава семьи был в то время компаньоном моего отца. Их сын Илья был старше меня на 2 года, и, мы с ним очень весело проводили время на даче. Через много лет, в Советское время, Илья Изрим работал начальником отдела в Министерстве здравоохранения Эстонии.

Часто отдыхал у нас на даче мой друг Арон Тамаркин, потому что его семья не имела возможности снимать себе дачу. Наши отцы были земляками и дружили с детства. Отец Арона, Шмарья Тамаркин, был первым директором Таллиннской еврейской гимназии. Кроме того, он преподавал там идиш. Арон был хорошим музыкантом, веселым и интересным человеком. Мы с ним были друзьями на протяжении всей жизни. В советское время он работал директором музея театра и музыки в Таллинне.

В 1920 году я пошел в первый класс Таллиннской еврейской начальной школы.

Располагалась она на улице Рао. Это было небольшое двухэтажное здание, которое принадлежало семье преподавателей Гильдебрант. Класс у нас был большой, детей 25. Школа работала 2ой год, поэтому в ней было всего 2 класса. Преподавание велось на русском языке, но с первого класса учили идиш, иврит, эстонский языки. Потом школу перевели в здание синагоги, вернее, в пристройку к синагоге. В 1924 году было открыто новое здание Таллиннской еврейской гимназии (), куда мы перешли учиться. Школа принадлежала еврейской общине. Может быть государство ее тоже поддерживало, этого я не знаю. Обучение было платным, за малоимущих платила община. В школе проводились еврейские праздники, работали кружки. Школьные праздники в памяти не остались, а участие в кружках запомнилось. В восьмом классе я посещал сионистский кружок, назывался он "Эмуна". Мы не были правыми, как сионистское движение "Бейтар" или левыми, как сионисты из "Хашомер Хацаир". Мы были посередине. Евреи ведь не могут быть все одного направления. Мы читали литературу о Палестине, готовили доклады о сионизме, мечтали поехать в Палестину строить еврейское государство. Многие потом поехали, среди них был мой друг Давид Гершанович. Его семья жила недалеко от нас, там было 7 или 8 детей. Давид был на год старше меня. В Палестину он поехал в 18 лет.

У нас дома, как во многих еврейских домах, всегда стояли две копилки. Одна ("Керен кайемент") бело-голубая, другая ("Керен хайесот") желтая. В них собирали деньги для приобретения земельных участков в Палестине.

Мне нравилось заниматься в школе в спортивных кружках. Особенно серьезно у нас была поставлена гимнастика. Преподавал ее бывший царский офицер Утехин. Я играл в футбол, занимался гимнастикой, легкой атлетикой, был членом спортивного клуба "Маккаби", но больших спортивных достижений у меня не было.

Учился я хорошо по всем предметам. Особенно легко мне давались языки. Окончив школу, я хорошо знал русский, эстонский, немецкий, идиш, иврит. По английскому языку я брал частные уроки, преподаватель английского языка приходил заниматься со мной к нам домой.

А с музыкой у меня отношения не сложились. В школе вел уроки пения контор Таллиннской синагоги Гуревич. Он приходил на уроки с очень интересной шестигранной гармошкой. На первом уроке пения было прослушивание. Когда дошла до меня очередь, он камертоном извлек какую-то ноту, я ее спел. После чего контор сказал: - "Уходи и больше ко мне на уроки не приходи". Я до сих пор на него сердит. А музыку я люблю. Став взрослым, я с удовольствием посещал концерты симфонической музыки, особенно, когда оркестром дирижировал внук нашего контора Гуревича Эри Клас.

Школу я окончил в 1931 году. Мать меня уговаривала: "Учись, сынок ! Поезжай куда хочешь, только учись !". Но я никуда не поехал. Какое-то время я отдыхал, развлекался с друзьями, потом отец начал вводить меня в курс дела нашей фирмы. Называлась она теперь "Гиновкер и Ко", в ней работали около 300 человек. Основу фирмы составляла большая шоколадная фабрика, которую отец построил в конце 1920 годов. На ней выпускали шоколад, шоколадные конфеты, мармелад, печенье, галеты для эстонской армии, мацу для еврейской общины. Я занимался в нашей фирме экспортом, потому что наша продукция продавалась не только в Эстонии, но и по всему миру. Мы отправляли конфеты в США, в Англию, в Швецию, Южную Африку и тд. По биржевым справочникам я находил фирмы-импортеры, заключал с ними контракты, отправлял товар. Мне эта работа нравилась. В 1934 году меня призвали на срочную службу на 1 год в Эстонскую армию. Я служил рядовым в 10м пехотном полку в г. Таллинне. Жили мы в военной казарме, иногда нас отпускали на выходные дни домой.

В 1935 году команда нашего спортивного клуба "Маккаби" собиралась поехать на "Маккебиаду" в Палестину. В составе команды были два моих хороших друга. Один из них был штангистом, другой - теннисистом. Я решил поехать с ними в качестве болельщика, тем более, что это давало мне возможность встретиться с нашими деловыми партнерами в Ливане и в Египте. Поездка получилась очень интересной. На поезде через Варшаву и Вену мы прибыли в румынский порт Констанца, оттуда на пароходе приплыли в Хайфу. "Маккабиада" была в Тель-Авиве. Он поразил меня своим негородским видом. Засыпанные песком улицы без тротуаров, малоэтажные дома. Там я встретился со своим другом Давидом Гершановичем, видел, как трудно живут наши эмигранты в Палестине, как они много и тяжело работают. "Маккабиаду" я, к сожалению, не увидел, потому что мне пришлось в это время поехать в Бейрут, затем в Александрию. Оттуда я через Венецию вернулся домой. Теперь расскажу о своих братьях. Самым старшим братом был Овсей. Он окончил в Таллинне русскую гимназию, отслужил 1 год в эстонской армии в батальоне, который строил мосты. Потом он учился в Германии, получил диплом горного инженера. Почему-то Овсей очень

хотел поехать в СССР и работать там горным инженером, но, к счастью, у него это не получилось. В середине 1920х годов Овсей вернулся в Таллинн. Сначала он помогал отцу, а потом завел свое дело. Вместе со своим компаньоном они построили красильную фабрику, где красили ткани. Потом Овсей с другим компаньоном купили небольшое судно и занялись подъемом затонувших в Финском заливе кораблей. Он не был женат.

Второго брата звали Самсон (в свидетельстве о рождении написано Симсон). Он тоже окончил русскую гимназию в Таллинне и поехал учиться во Францию. Три года он жил в городке Тулузе, но, учился, наверное, не очень усердно. Вернулся Самсон в Таллинн без диплома, и стал работать в отцовской фирме. Он занимался финансами. В 1938м или 1939м году у Самсона был большой роман с женщиной-эстонкой. Он хотел жениться, но родители не дали согласия на этот брак. Самсон не пошел против их воли. С горя он поехал в Ригу и женился там на молодой девушке-еврейке. Звали ее Инна. Самсон был намного старше жены. Конечно, это не был брак по любви. Поселились молодожены в нашем доме в соседней квартире. В июне 1941 года они ждали рождения ребенка.

Третьего брата, который был на 7 лет старше меня, назвали Мендель. Потом он стал Максом. После окончания русской гимназии и службы в армии сапером, Макс уехал учиться в Италию, в город Генуя. получив диплом инженера-кораблестроителя, он вернулся в Таллинн. Через год он опять поехал учиться, теперь в Англию. в Лондон. Там Макс окончил университет и перед войной вернулся домой. Он очень любил учиться, к концу жизни у него было 4 диплома о высшем образовании. У Макса были прекрасные способности к изучению языков. Он хорошо знал русский, эстонский, идиш, иврит, английский, немецкий, итальянский языки.

В сентябре 1939 года мы отправили в США через Хельсинки большую партию конфет. Но в Европе уже шла война, корабль из Хельсинки в США не пошел, весь груз остался в Хельсинки. Макс в это время находился в Финляндии. У нас там было небольшое, но очень доходное производство. Мы арендовали в Хельсинки консервный завод и выпускали, пользующиеся большим спросом в Финляндии, маринованные огурцы. Послушав передачи "Би-би-си", поговорив с моряками, Макс очень встревожился. Он написал отцу, что в Эстонии могут произойти опасные перемены, надо все бросать и переезжать в Финляндию. Денег от продажи партии конфет на первое время хватит. Отец, который никогда не интересовался политикой, ответил, что надо вернуть все кредиты, выполнить все контракты, отдать все долги, а потом уезжать. А пока надо работать. Он делами в это время уже мало занимался, работали мы с братьями.

Приход советской власти в Эстонию в июне 1940 года мы всей семьей встретили в Таллинне. Все наше имущество (фабрики, несколько домов, магазин, корабль, автомобили) сразу национализировали, радиоприемники конфисковали. Братьев с фабрики убрали, а меня почему-то оставили. Я стал начальником планового отдела, у меня даже были в подчинение 2 или 3 человека. Мы тогда в этих планах ничего не понимали, но что-то в отделе делали: рисовали какие-то графики, вывешивали их на стенке, посылали куда-то отчеты.

Директором фабрики поставили эстонца, маляра по профессии. Фабрика как-то работала. Сырье приходило из России, туда же отправляли готовую продукцию. Братья устроились работать в какие-то артели, зарплату нам платили, жить можно было. В нашу квартиру (она была уже не наша, а государственная) вселили еще одну семью. Это была еврейская семья, муж с женой. Он был композитором, работал в военном театре, фамилия его была Ветлин. Они были поражены обилием товаров в эстонских магазинах и скупали все подряд: мебель,

велосипеды, костюмы, постельное белье. Ничего этого в СССР тогда в свободной продаже не было. Ветлин был убежден, что войны не будет, а слухи о готовящемся нападении со стороны Германии - провокация.

14 июня 1941 года (8) в 2 часа ночи нам позвонили в дверь. Когда открыли, вошел какой-то комиссар и четыре солдата с винтовками. Нас всех разбудили, посадили в столовой вокруг стола, и, комиссар зачитал нам постановление Президиума Верховного Совета Эстонской ССР о том, что наша семья выселяется из Эстонии. В этом постановлении и в дальнейшем нас называли "социально опасными элементами". Нам дали 2 часа на сборы, причем этот комиссар все время говорил: "Много вещей с собой не берите! Вам там все дадут!" Мы, наивные, ему поверили, взяли с собой несколько чемоданов с одеждой и немного еды. На первом этаже у нас жила тоже еврейская семья - муж с женой и сын лет восьми. Они были владельцами кожевенной фабрики. Их тоже вместе с нами затолкали в кузов грузовика, маму и беременную Инну посадили в кабину и повезли на станцию. Когда нас вели к вагонам, я увидел, что с нами нет Овсея. Конвоир меня успокоил: "Придет брат". Нас затолкали в телячьи вагоны с решетками на окнах, женщин и мужчин отдельно. В углу вагона в полу была дырка, это был туалет. Беременной Инне разрешили до родов остаться в Таллинне, с ней оставили нашу маму. Мы ехали долго, не помню сколько. Уже началась война, навстречу нам шли эшелоны с военной техникой. Первые дни нам не открывали двери вагонов, потом уже открывали, давали подышать. Наконец, мы прибыли на станцию Котельнич, это недалеко от города Кирова (теперь Вятка, это 1500 км восточнее Таллинна). Там нас всех посадили на пароход, который шел вниз по реке Вятке. Конвоя не было, нам разрешили самим выбирать пристань, на которой мы хотим сойти. Жилье и работу тоже должны были найти сами. Мы поселились недалеко от небольшого города Кильмеза. Я, Макс и Самсон устроились работать счетоводами в три разных колхоза. Мы снимали комнаты, отец жил со мной. Работали мы по договору, колхозы нам давали немного продуктов, в основном овощей. Помню постоянное чувство голода, но шла война, всем было трудно. У нас не было паспортов, мы не имели права никуда уезжать, должны были один раз в месяц отмечаться в милиции. Больше мы ничем не отличались от эвакуированных. А на долю Овсея выпало много страданий. Когда нас депортировали, он услышал, что главу семьи отправят в исправительный лагерь, а членов семьи в ссылку. Овсей пожалел старого отца и выдал себя за главу семьи. А так как Овсей был очень похож на отца, конвойные не заметили подмены. Отец остался с нами, а брат попал в лагерь на лесоповал. Условия в лагере были совершенно нечеловеческие: голод, холод, тяжелая работа. Овсей пробыл там 5 лет, чуть не умер от пелагры, чудом выжил.

Когда Овсея в 1946 году освободили, он приехал к нам в Кировскую область. Жена Самсона Инна в конце июня 1941 года родила сына и успела с ним уехать из Таллинна до прихода немцев. Она даже сумела найти нас в Кировской области. А мама наша осталась в Таллинне, хотя возможность уехать была. Мы не знаем, почему она осталась и как погибла. В 1991 году из государственного архива Эстонии мне выдали справку, в которой сказано, что еврейка Хая Гиновкер была уничтожена 18 ноября 1941 года.

Может быть ее уговорила остаться подруга, которая была родом из Вены. Она все время рассказывала, какие немцы вежливые, воспитанные, хорошие люди. Я думаю, что депортация спасла нашу семью, мы бы тоже все остались в Таллинне и погибли, потому что мы не верили, что цивилизованные люди могут совершать такие зверства. Отец не намного пережил маму. Он умер в городе Килимезе в 1944 году.

Мы с братьями жили и работали в Кировской области до 1947 года. Мне за хорошую работу даже дали медаль «За доблестный труд». Поэтому мне на несколько дней раньше, чем братьям, дали справку об освобождении. Мы имели право жить в любом месте СССР, кроме Таллинна, поэтому наши пути с братьями сначала разошлись. Овсей поехал в Ташкент, где у него были знакомые. Там он устроился работать в артель, торгующую фруктами. Они переправляли самолетами свежие и сушеные фрукты из Ташкента в крупные города СССР. Овсей имел хороший заработок и, при необходимости, помогал нам деньгами.

Самсон поехал в Ригу. С Инной они уже были в разводе. Она не считалась с ссылкой и в 1945 году вернулась с детьми в Ригу. У нее было два сына: Андрей, который родился в Таллинне, и Марк, который родился в Кировской области. Впоследствии Инна вышла замуж за мужчину, которого любила еще до замужества. Его фамилия была Каплан. Он усыновил младшего сына Инны Марка, и, как только появилась возможность, семья Каплан уехала в Израиль. А тогда, в 1947 году, Самсон хотел жить в одном городе со своими детьми, чтобы иметь возможность с ними встречаться и им помогать.

Макс уехал в Москву и там женился. Его жена Цива была моложе Макса лет на 15. Она преподавала французский язык. Вскоре у них родился сын Александр. Они жили в центре Москвы в маленькой комнатухе вчетвером: Макс, Цива, ее мать и маленький Александр. Макс работал составителем русско-итальянского словаря. А я приехал в Таллинн, хотя этого нельзя было делать. Друзья дали мне маленькую комнату, работал я по договорам. На постоянную работу я устроиться не мог, так как жил в Таллинне нелегально. В 1948 году я женился. Моя жена Ирена была вдовой. Ее муж служил на флоте и погиб в начале войны. Она жила с мамой и семилетним сыном Михаилом. Ирена росла в немецкой еврейской семье, кончила немецкую гимназию, языком общения в семье был немецкий. До войны их семья владела галантерейным магазином модных товаров. Ее семья не была религиозной. Мы познакомились с Иреной, когда она пришла в гости к моим друзьям, у которых я снимал комнату.

В 1950м году бывших ссыльных из Эстонии начали опять отправлять в ссылку. Оказалось, что их отпустили по ошибке, слишком рано. В ссылку опять ехать не хотелось и я улетел из Таллинна в Ташкент к Овсею.

Устроиться на работу там было трудно. Как-то я прочитал объявление, что требуется экономист-бухгалтер в геологическую экспедицию и пошел по указанному адресу/ там меня спросили, почему я уехал из Эстонии. Я сказал, что жене надо сменить климат, у нее безевова болезнь. Надо мной посмеялись, оказалось, что таким больным рекомендуют уезжать из Ташкента. Но на работу меня взяли. Наша экспедиция работала в пустыне, в Каракумах. Я был бухгалтером, а моя жена – лаборантом. Жили мы в землянке, которую рабочие вырыли в песке, летом было очень жарко, воды и еды было мало. Но люди с нами работали хорошие, жили мы спокойно. На следующий сезон пришел новый начальник экспедиции. Он внимательно изучил мои документы, понял, кто я такой, и, я опять оказался в ссылке. Жена считалась свободной, она могла уехать, но осталась со мной. Местом ссылки мне определили город Нукус. Это тоже в Узбекистане, в 650 км от Ташкента, недалеко от Аральского моря. Жили там, в основном, узбеки и казахи. Мы купили совсем маленький домик, бывший хлев. Настелили полы, провели электричество, покрасили стены и стали в нем жить. Материально мы там жили неплохо, потому что оба работали, хорошо зарабатывали. Но все вокруг было чужим: люди, их образ жизни. Жена очень скучала по сыну, который остался с бабушкой в Таллинне. Через 2 года я попросил отбыть ссылку в г.

Кирове. Все-таки, европейский город и нет такой изнурительной жары. А, самое главное, там уже с 1951го года отбывали ссылку Макс с женой и ребенком и Самсон. Мы с женой приехали туда в 1953 году. Вскоре к нам в Киров приехал в гости из Ташкента Овсей, его тоже задержали и оставили в Кирове на положении ссыльного. Мы опять были вместе. Опять были «социально опасными элементами» и не имели никаких гражданских прав. Дальше наши судьбы сложились по разному.

Овсей работал в Кирове инженером в проектно институте. После того, как в 1958 году его освободили из ссылки, он подал документы на выезд в Израиль. Ему отказали. Овсей поехал в Литву, думая, что оттуда уехать легче. Не удалось. Он много раз подавал документы на выезд, ему все время отказывали. В 1968 году Овсей вернулся в Таллинн и опять подал документы. На этот раз он просил разрешения поехать в Израиль в гости к Инне, бывшей жене Самсона. Ответ пришел неожиданно быстро: «в гости нельзя, а навсегда - можно». На сборы и отъезд была дана одна неделя. Овсей успел уехать. В Израиле они вместе с Инной завели свое дело. У них была небольшая коптильня, где они коптили канадскую лососину. Дело успеха не имело и вскоре закрылось. Потом Овсей несколько лет жил и работал в Эilate. Уйдя на пенсию, он поселился в Тель-Авиве. Когда Овсею было 94 года, он один прилетел в Санкт-Петербург, чтобы встретиться со мной и с Максом. Через год он умер в Тель-Авиве.

Самсон в Кирове работал главным бухгалтером в Кировской областной больнице. Он опять женился. Его жену звали Белла, она была белорусской еврейкой. В середине 1950х у них родилась дочь Ольга. Старший сын Самсона Андрей жил то в семье матери, то в семье отца. Школу он окончил в Кирове. Андрей оказался очень способным юношей и смог поступить учиться в один из институтов Академгородка (). Он получил диплом физика и остался работать в Академгородке. В 1970е годы Андрей эмигрировал в Канаду. Через несколько лет он смог оформить разрешение на въезд в Канаду отцу и его семье. Но самсон неожиданно умер, а его жена и дочь после его смерти уехали в Канаду. Макс работал в Кирове инженером на швейной фабрике. После окончания ссылки его семья осталась жить в Кирове. Их сын Александр окончил там школу, институт, потом работал преподавателем в институте. Затем он переехал в Санкт-Петербург (тогда Ленинград). Александр женат. Сейчас у него есть уже взрослая дочь и маленькая внучка. Он владелец какой-то фирмы по продаже недвижимости. Макс с женой в конце 1990х годов тоже переехал в Санкт-Петербург. Макс умер в 2002 году в возрасте 95 лет. Мы с женой жили в Кирове до 1958 года. Я работал экономистом в большой организации «Кирлес». А Ирену наш знакомый музыкант устроил работать костюмершей в театр. Мы снимали квартиру. С нами жил сын жены Михаил. После окончания ссылки мы вернулись в Таллинн, сначала жили у тещи. Так как я опять не имел права жить и работать в Таллинне, мне пришлось на 2 года поехать в Карелию (севернее Санкт-Петербурга). Там я работал в организации, которая заготавливала лес. Затем все нормализовалось. Я вернулся в Таллинн, устроился на работу начальником отдела снабжения в организацию, которая поставляла и ремонтировала сельскохозяйственную технику. Там я проработал 30 лет. Мы с женой получили небольшую квартиру в центре города. Сын жены Михаил окончил институт и сейчас работает директором еврейской школы в Таллинне., той самой школы, которую я окончил. Ирена умерла в 1980 году.

Через полтора года я женился. Моя вторая жена Стелла была в разводе. От первого брака у нее был уже взрослый сын. Сейчас у Стеллы, кроме сына, два взрослых внука. Я знал ее

раньше, потому что с ее братьями я учился в еврейской школе. До войны Стелла окончила английский колледж, во время войны была в эвакуации в России. После войны ее семья вернулась в Таллинн, и, Стелла работала в милиции секретарем. В 1952 году во время антисемитской кампании ее уволили из милиции. Потом Стелла много лет работала лаборантом в технической лаборатории.

Сейчас мы оба на пенсии, живем вдвоем, помогая друг другу и заботясь друг о друге. Мы члены еврейской общины Эстонии, участвуем, насколько нам позволяет здоровье, в проводимых в общине мероприятиях.

Я прожил долгую жизнь. Я не религиозен. Несмотря на это, и в детстве, и в зрелости, и в старости, я всегда знал и помнил, что я еврей. Всегда им себя ощущал. Во время антисемитских кампаний в СССР я находился в ссылке, поэтому меня не притесняли и не увольняли с работы. Я считаю, мне повезло.